

СКРЫТЫЕ ТЮРКИЗМЫ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Наличие явных тюркизмов в «Слове...» породило тюркологическую традицию изучения этого выдающегося памятника древнерусской литературы. У истоков этой традиции стояли казанские исследователи: профессора Казанского университета Ф. И. Эрдман и И. Н. Березин. Серьёзный вклад в изучение тюркизмов в «Слове...» являются статьи востоковеда-тюрколога П. М. Мелиоранского. Его полемика с видным ориенталистом Ф. В. Коршем продемонстрировала проблемы, которые возникают при осмыслении целого ряда тюркизмов.

Наиболее широкий круг тюркизмов «Слова...» нашёл отражение в работах немецкого слависта и тюрколога К. Г. Менгеса, а также советского языковеда-тюрколога Н. А. Баскакова. Так, например, в монографии Баскакова «Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве"» анализируются 44 лексемы «Слова...», которые имеют несомненно или предположительно тюркское происхождение.

Большинство из тюркских лексем «Слова...» встречается только в этом памятнике древнерусской словесности. Это даёт основания подавляющей части исследователей «Слова...» пребывать в уверенности в том, что древнерусский язык весьма успешно освобождался от тюркизмов и тюркизмы в «Слове...» представляют собой самый поверхностный слой, который не мог существенно повлиять на художественные достоинства «Слова...».

Энергичную попытку обнаружить тюркский субстрат в «Слове...» и изменить статус тюркологии при изучении этого памятника словесности предпринял О. Сулейменов в своей книге «Аз и Я. Книга благонамеренного

читателя» [Сулейменов, 1975], однако эту попытку нельзя считать удачной, поскольку она базировалась на интуиции Сулейменова, а не на научном методе.

При изучении «Слова...» исследователи традиционно допускают целый ряд серьёзных методологических прегрешений. Так, например, принцип историзма предполагает углублённое изучение источников, которые легли в основу «Слова...» и летописных свидетельств о походе Игоря. Между тем, до сих пор даже не выяснена этническая принадлежность основных информаторов, оповестивших Русь о трагических событиях, нашедших отражение в «Слове...». Полагая, что «авторы былин сего времени», на основании которых создано «Слово...», были русскоязычными, исследователи неизбежно сталкиваются с массой проблем. Так, например, крайне сложно объяснить причину появления в «Слове...» массы тюркизмов, многие из которых малопонятны даже для тюркологов и не встречаются в других памятниках древнерусской словесности. Обилие подобного рода тюркизмов ставит вопрос об этнической принадлежности автора «Слова...» и порождает массу других трудноразрешимых вопросов. В случае если основными информаторами о трагедии, разыгравшейся в степи, были тюрки, многие проблемы получают освещение.

В Ипатьевской летописи сообщается, что весть о разгроме войск Игоря Великому князю киевскому сообщил Беловод Просович, который, по всей видимости, был купцом, согласно Лаврентьевской летописи оповестившим русских князей о трагедии и готовности половцев обменяться пленными. Этот купец наверняка не был участником битвы и узнал о ней со слов половцев. Маловероятно также, что именно в его присутствии Кончак поручился за своего свата. Не мог он быть и свидетелем распри между половецкими ханами, поскольку обычай приглашать русских купцов на военный совет у половцев не зафиксирован.

Основополагающая роль половцев в создании былин о полку Игоре не могла быть утрачена и после возвращения Игоря из плена, поскольку

любопытствующим было сложно выпрашивать у князя и его вассалов сведения, связанные с пленом и позорным побегом князя из плена. Более доступен в этом отношении был половец Овлур.

Поскольку былины сего времени, на основании которых создано «Слово...», слагались тюрками и лишь затем переводились на русский язык, причём не многоопытными толмачами, а случайными людьми, этот памятник древнерусской словесности оказался насыщен тюркизмами. Особый интерес при изучении «Слова...» представляют скрытые тюркизмы, которые имеют исконно русские оболочки, но принципиально иное содержание. Именно такие тюркизмы породили множество тёмных мест в «Слове...» уже в период его создания. Изучение скрытых тюркизмов позволяет не только пролить свет на множество тёмных мест «Слова...», но и судить о степени приобщённости его автора к тюркскому языку, к военному делу. Так, например, тюркский или русский воин той эпохи не могли спутать тьмы (воинские подразделения), в окружении которых русские князья рыскали по Руси, с ночной тьмой. Русь всегда славилась своим бездорожьём, поэтому князь Всеслав мог рыскать в ночи только в воображении слепца или церковного ритора, отчуждённого от воинского дела.

Тюркские тумены были способны окружать, охватывать русских князей, поволочь их в нужном направлении. Это наполнило «Слово...» такого рода туманами, тьмами, мглами, в природе которых не могут разобраться лучшие филологи и лингвисты. Тьмы, окружавшие князей, порождали проблемы и у княжеских песнотворцев, обязанных воспевать незадачливых стратегов. Двусмысленность слова *тьма* позволяла записным сказителям выходить из затруднительного положения. Тьму можно трактовать как метеорологическое или астрономическое явление, а окружённых вражеской тьмою незадачливых воителей можно рассматривать как светлые начала (солнце, месяц). Поэтическая полисемия позволяла представить весьма нелицеприятные для князей события в весьма благоприятном для княжеской власти свете. Игнорируя тюркизмы понять природу подобной полисемии весьма и весьма

проблематично. При этом природа всей образной архитектоники «Слова...» превращается в сплошную загадку.

Вторгаясь в русский язык, чуждое ему слово может порождать целое гнездо форм. Это может происходить по целому ряду причин: множество диалектов чужого языка, отсутствие правописания и т.д. Системный анализ тёмных мест в «Слове...» позволяет выявлять подобного рода гнезда и реконструировать слова, которые породили их. Так, например, галки, которые *речь говорят и бегут стадами к Дону великому*, клик, которым поганые *поля перегородили*, клик, которым *врага побеждают*, клюки, на которые *опёрся князь Всеслав*, всегда порождали недоумение у читателей и исследователей «Слова...». Логично предположить, что эти загадочные галки, клики, клюки, вместе с былинными каликами образуют гнездо форм, порождённых услышанным у тюрков словом *kaluk* 'народ'. Существование этого гнезда является надёжным свидетельством того, что автор «Слова...» не был знатоком тюркского языка.

В русских былинах чаще всего защитникам Руси помогают калики перехожие, обеспечивая их первоклассным вооружением, возможностью перемещаться на большие расстояния. В. Калугин в своей книге «Герои русского эпоса» пишет: «Эти калики исцеляют и наделяют силой Илью Муромца; *сокрутившись* каликой, проникает он неузнанным в *Царь-от-град*; с каликой меняется одеждой и Алеша Попович, выходя на бой с Тугариным; каликами *справляются* Илья Муромец и Добрыня Никитич, спасая Михаила Потыка. Да и сами калики предстают в русском эпосе далеко не второстепенными персонажами. Есть среди былинных героев Калика-богатырь, побивающий *силушку*, которой *сметы нет*, причём не где-нибудь, а *на тех полях да на Куликовых*» [Калугин, 1983, с. 159]. Калугин подчёркивает, что «былинные калики — отнюдь не слепцы, не старцы, не сирые и не убогие. Как раз наоборот, в былинах всюду подчёркивается, что ни в силе, ни в удали они не уступают богатырям, а зачастую превосходят их» [Там же. С. 275-176].

Слово *Дунай* встречается в следующих фрагментах «Слова...»: «Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!... Подпёръ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, затворивѣ Дунаю ворота» и «суды ряда до Дуная», «На Дунаи Ярославнынѣ гласъ слышитѣ», «Полечу, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бибрянѣ рукавѣ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавые его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». Попытки отождествления Дуная с рекой порождают массу проблем при осмыслении данных фрагментов. Хорошо известно, что владения Галицкого князя находились на большом удалении от известной европейской реки, да и река Каяла находилась отнюдь не в пойме Дуная. Между тем, в «Словаре народных географических терминов» Э. М. Мурзаева ДУНЬЯ — «мир, вселенная» (тюркск.). В Древнетюркском словаре» *Dünja* 'мир, свет'. Таким образом, *Дунай* в былинах сего времени и в «Слове...» мог обозначать вовсе не известную европейскую реку, а тюркский мир. Есть все основания полагать, что Осмомысел затворил ворота диким половцам, судить которых он не мог. Дунай, до которого доносился плач Ярославны, был половецкой степью. В эту степь к раненому мужу и хотела полететь птицей Ярославна.

В «Слове...» есть загадочная фраза: «Въстала обида в силах Дажь-Божа внука, вступил дѣвою на землю Трояню». Дажьбог традиционно соотносится исследователями с языческим божеством, однако из Хроники Малалы следует, что это имя или титул властителя. На этом настаивает не только переводчик хроники, но и целый ряд исследователей.

На наш взгляд [Воронцов, 2006, с. 134; 2007, с. 223], появление Дажьбога в княжеском пантеоне вполне объяснимо с учётом тюркской титулатуры. Дело в том, что титул *джабгу* был широко распространён у тюрков, включая хазар. Убедиться в этом можно, ознакомившись с Ономастической таблицей, приведённой в книге Л. Н. Гумилёва «Древние тюрки» [Гумилёв, 1993, с. 464-471]. Этот титул обозначал наместника, князя, князя-наместника. Его мог носить дед Игоря, который был наместником у хазар в Тьмутаракани. Есть все основания считать, что внуком Дажьбога в

«Слове...» является князь Игорь, который и *вступил девою на землю Трояню*. Природу загадочной трансформации Игоря в деву понять совсем не сложно, если обратиться к тюркской лексике. Дело в том, что тюркских языках слово *дау* может обозначать старшего [ТРС, 1966, с. 141]. Князь Игорь был действительно старшим в этом походе.

Весьма серьёзные проблемы у исследователей «Слова...» возникают при осмыслении прилагательного *трояню*, которое фигурирует в выражениях «землю Трояню», «тропу Трояню», «на седьмом веце Трояни». Очевидно, что Троян не человек, поскольку люди столько не живут. Попытки пролить свет на природу Трояна породили массу гипотез, которые не выдерживают серьёзной критики. Между тем, в тюркских языках *тирә-як*, *тирә-юнь*, *тир-ян* 'окрестность, окружение'. Очевидно, что Трояновы валы — это окружающие валы, а «вечи Трояни» — века окружающих народов (протоболгар, хазар, венгров), появление которых на исторической арене традиционно связывают с нашествием гуннов (IV в.) Под «тропой Трояна» следует подразумевать путь через окрестные земли, а «землёй Трояна» есть все основания считать окружающие или соседние земли.

Проблемы у переводчиков и трактователей «Слова...» вызывает и загадочный *дивь*, который упомянут в следующих фрагментах: «дивь кличеть врѣху древа, велить послушать земли незнаемѣ, Вльзѣ, и Поморію, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, тьмутараканский блъвань»; «Уже снесеса хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеса дивь на землю». Первые издатели «Слова...» предположили, что *дивь* — это филин, который слывёт у русских вещей птицей. Надо сказать, что в «Словаре русских народных говоров» это значение отсутствует. В последующем переводчики и трактователи «Слова...» заменяли филина удодом, аистом, журавлём, совой, грифоном, однако даже фантастическим птицам не свойственно столь хорошее знание географии, увязанной с политикой. Между тем, природа загадочного дива, как и природа загадочной девы вполне объяснима в рамках тюркской лексики, которая и породила это гнездо

скрытых тюркизмов в «Слове...». Вполне возможно, что старший (*дэу*) вещал не на дереве, а надрывно или с упряжки (тюрк. *дирбия* 'упряжка').

Говоря о Всеславе Полоцком автор «Слова...» упоминает, что князь «скочи отъ нихъ (киевлян) лютым зверемъ в плъночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мѣглѣ, утръ же возни стрикусы, отвори врата Нову-граду, расшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги и с Дудутокъ». Загадочные *стрикусы* традиционно порождают проблемы у толкователей «Слова...», заставляют их теряться в догадках. Первые издатели «Слова...» в примечании отметили: «По смыслу речи стрикусъ не что иное, как стенобитное орудие или род тарана, при осаде городских ворот употребляемого». Эту трактовку восприняли П. П. Вяземский, А. Ф. Вельтман, М. А. Максимович. Следует заметить, что слово *стрикусы* упоминается в «Слове...» только один раз и в других источниках не засвидетельствовано, поэтому подтвердить данную гипотезу не удаётся.

А. С. Шишков умудрился соотнести слово *возни* не с возникновением, а с возами и трактовал «*возни стрикусы*» как оружие, которое следует «возить на возах» или с которым «надобно было много возиться» [Шишков, 1805, с. 167]. Аналогичные взгляды на стрикусы были у Я. С. Пожарского и Д. Дубенского. Следует заметить, что при отсутствии хороших дорог, да ещё в ночное время подобные устройства должны были весьма существенно снизить скорость перемещения войска Всеслава, и рейд на злейшего врага Киевской Руси (Новгород) должен был потерять ту внезапность, которую приписывает ему автор «Слова...».

Наиболее одиозная трактовка *стрикусов* была предложена Р. О. Якобсоном, который предложил читать *стрикусы* как *с три кусы* и переводил данный фрагмент так: «знать трижды ему довелось урвать по кусу удачи». Глуumlение над литературным памятником, а также полное отсутствие литературного вкуса породили множество вариантов этой трактовки. Так, например, Д. С. Лихачёв читал: «утръже вазни, с три кусы отвори ворота Нову-граду» с переводом: «урвал (захватил) счастье (удачу) в

три попытки (или «с трёх попыток») отворил врата Новгороду (т.е. занял город)».

Для объяснения данного фрагмента есть все основания вспомнить о привычке русских князей вовлекать в свои усобицы самые разные народы. На роль *стрикусов* формально могут претендовать многие народы: тюргеши, торки (гузы), черкесы, черкасы и т.д. Следует, однако, учесть, что в древнетюркском языке *şerig sü* 'войско, рать' [ДТС, 1969, с. 144]. С учётом этого, интересующий нас фрагмент слова может быть переведён так: «утром же возник с войском и распахнул врата Новгорода» [Воронцов, 2006, с. 181; 2007, с. 283].

Проведённое исследование показывает, что системный подход к изучению тюркского субстрата в «Слове о полку Игореве» позволяет весьма эффективно выявлять скрытые тюркизмы в этом выдающемся произведении древнерусской литературы, что способствует решению целого комплекса проблем, связанного с изучением этого памятника древнерусской литературы.

Воронцов В. А. Скрытые и явные тюркизмы в «Слове о полку Игореве» / В.А. Воронцов. — Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2006. — 222 с.

Воронцов В. А. «Слово о полку Игореве» в свете историзма / В. А. Воронцов. — Казань: Изд-во института истории АН РТ, 2007. — 387 с.

Гумилёв Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилёв. — М.: Товарищество «Клышников — Комаров и К», 1993. — 513 с.

Древнетюркский словарь. — Л.: «Наука», 1969. — 676 с.

Калугин В. И. Герои русского эпоса: Очерки о русском фольклоре / В. И. Калугин. — М.: Современник, 1983. — 351 с.

Сулейменов О. О. Аз и Я: Книга благонамеренного читателя /

О. О. Сулейменов // Алма-Ата: «Жинуши», 1975. — 304 с.

Татарско-Русский словарь. Около 38000 слов. — М., «Сов. Энциклопедия», 1966. — 863 с.

Шишков А. С. Слово о плъку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова / А. С. Шишков // Соч. и переводы, изд-ные Рос. Академией. — СПб. — 1805. — Ч. 1. — Кн. 8. — С. 23-234.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена некоторым тюркским заимствованиям в лексике «Слова о полку Игореве»:

1. Тюрк. *kałyk* > «Слово...» *галки, клюки, клики*.
2. Тюрк. *дәү* > «Слово...» *дева, дивъ, дивь*.
3. Тюрк. *šerig sü* > «Слово...» *трикусы*.
4. Тюрк. *dünja* > «Слово...» *Дунай*.
5. Тюрк. *джабгу* > «Слово...» *Дажьбог*.
6. Тюрк. *шаян* > «Слово...» *синее*.

SUMMARY

The article is devoted on certain Turkic loans in the vocabulary of the «The Song of Igor's Campaign»:

1. Turk. *kałyk* > «Song...» *галки, клюки, клики*.
2. Turk. *дәү* > «Song...» *дева, дивъ, дивь*.
3. Turk. *šerig sü* > «Song...» *трикусыю*
4. Turk. *dünja* > «Song...» *Дунай*.
5. Turk. *джабгу* > «Song...» *Дажьбог*.
6. Turk. *шаян* > «Song...» *синее*.